

Манфа‘а, тж. **наф‘** “польза” — в исламской этике категория, служащая, в противопоставленности “вреда” (*дарар*), основой одной из возможных классификаций “намерений”.

“Намерение” (*ниййа*) означает устремленность к какой-то конкретной искомой цели (*мақсӯд*), выраженную в непосредственном действии. Все многообразие таких конкретных целей может быть охвачено в единой классификации, опирающейся на понятия “польза” (*наф‘*, *манфа‘а*) и “вред”. Цель поступка в любом случае заключается в привлечении полезного или удалении вредного, и только если действитель имел в виду одно из двух, поступок не считается “напрасным” (*‘абис*). “Избегай вреда и плохого, старайся действовать на пользу” является общеизвестной в исламской культуре максимой. Противопоставление “полезного” и “вредного” является устойчивой коранической темой: земля сотворена для пользы людей, истинное вероисповедание привлекает “полезное” и удаляет “вред”, тогда как иные исповедания “вредят” их приверженцам. В Коране, хадисах, религиозно-доктринальной и правовой мысли понятия “запретное” (*ҳарām*) и “грех” (*‘исм*) объясняются, как правило, как такие поступки, “польза” которых намного меньше “вреда”. В каламе было выдвинуто положение о том, что Бог сотворил все мироздание исключительно для того, чтобы им “пользовался” человек, а некоторые мутазилиты считали, что неизвестное человеку и неиспользуемое им не могло быть сотворено.

Более подробную классификацию намерений на основе противопоставления “полезное-вредное” дает ал-Ғазālī, который делит все цели на четыре категории. Поступок может быть направлен на снискание чего-то, чем действитель не обладает, например, “обретение” полезного. Он может иметь целью сохранение того, что действитель уже имеет, как, например, “накопление”. Он может быть направлен на предотвращение вреда, который еще не достиг действителя и от которого тот хочет охраниться; так действует, например, тот, кто предотвращает нападение разбойников или диких зверей, избегая встречи с ними. “Опасливость” поэтому относится к числу “правильных” (см. *Сихха*) намерений, и для исламской этики оказывается “неправильным” стремление проявить храбрость и не уклониться от столкновения со смертельной опасностью, которой можно избежать. Наконец, действие может преследовать цель устранить уже достигший деятеля вред, что проявляется, к примеру, в действиях больного, ищущего излечения. Отдельную проблему составляет определение того, действительными или мнимыми оказываются усматриваемые польза и вред, так что разделение каждой категории на “несомненный”, “вероятный” и “мнимый” подвиды составляет основание для дальнейшей классификации “искомого”.

Эта классификация искомых целей, которую можно условно обозначить как “утилитарную”, опирается у ал-Ғазālī на эгоцентрическую теорию любви (*маҳабба*), истолковывающую любовь как выражение “соответствия” (*мулā‘ама*) любимого самости любящего, благодаря чему любимое приносит любящему “усладу” (*лазза*).

Понятия “польза-вред” (наф‘-дарар), противоположение которых составляет основание “утилитаристской” трактовки намерений и действий, не тождественны понятиям “благо-зло” (хайр-шарр) в их онтологизированном, неоплатоническом понимании (см. *Хайр*).

Классификация “намерений”, помимо противопоставления “польза-вред”, возможна на основе противопоставления “подходящее-пагубное” (см. *Маслаха*), а также в зависимости от “аффектов” (см. *Хал*).